

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ И НЕРАСКРЫТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДА МАРКСА

Владимир Анатольевич Логачев^а (lva.eti@kuzstu.ru)
Дмитрий Геннадьевич Кочергин^б

^аКузбасский государственный технический университет,
Кемерово, Россия

^бКузбасский региональный институт развития профессионального образования,
Кемерово, Россия

Цитирование: Логачев В.А., Кочергин Д.Г. (2018) Социальные науки в XXI веке и нераскрытый потенциал метода Маркса. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(5): 44–58. <https://doi.org/1031119/jssa.2018.21.5.3>

Аннотация. Одним из достижений социальных наук в XX в. принято считать методологический плюрализм, формально позволяющий решать исследовательские задачи в условиях предельной сложности объекта социальных наук. Однако плюрализм не углубил познание общества, а лишь усилил его фрагментацию, привел к формированию фасеточно воспринимаемой и воспроизводимой картины социального. На фоне кризиса модернистской социальной науки начинается разработка методологических подходов, способных дать импульс новой волне позитивных исследований. Стремясь наполнить свои абстрактные схемы конкретным содержанием, современные методологи обращаются к марксизму. Достоинство метода Маркса перед прочими подходами базируется на том, что он представляет собой в снятом и возвышенном виде все богатство классической общественной науки. В координатах марксистского миропонимания задача общественной науки формулируется как осознание и практическое содействие развитию экономики в направлении тенденций, называемых «постиндустриальными». Формулируя задачи подобным образом, мы сможем преодолеть утилитарную ограниченность мышления и практики, с одной стороны, и трансцендирующий отрыв общественной науки от посясторонности бытия — с другой. А для этого следует перемещаться в координаты развития общества и человека, актуализируя, а не отбрасывая идейный потенциал марксизма в XXI в.

Ключевые слова: Карл Маркс, марксизм, общество, социальные науки, методология, теория постиндустриального общества, кризис, развитие.

Методологический рывок марксизма. История науки показывает, что Маркс, один из немногих социальных мыслителей, к кому вынуждены возвращаться всякий раз, когда в том возникает потребность, — в ситуации изменения жизненных устоев столь крутого, что нынешнего знания и понимания происходящего начинает сильно недоставать и человек

хочет узнать: что происходит и что же будет дальше. Почему идеи Маркса были востребованы в социальной науке не только в XIX, но и в XX в., почему они остаются актуальными и для современных ученых, даже немарксистов? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ. Однако не вызывает сомнения, что одна из главных причин долголетия и теоретической «притягательности» учения Маркса заключается в его *методологических принципах*. Применительно к общественной науке это прежде всего:

— понятийное мышление, то есть многоуровневое (как сейчас сказали бы, в 3D-технологии) описание экономических явлений, включающее не только эмпирический, но и сущностный уровень их бытия. Соответственно этому взгляду в рамках системы научных категорий следует выделять всеобщие и превращенные экономические формы. В сознании же они воспроизводятся как образы абстрактных начал системы (П. Струве называл их «фантомами») и конкретных, имеющих практическую значимость инструментов деятельности предпринимателя или экономической политики государства;

— принцип развития, согласно которому существование всякого предмета имеет не только причинную, но и целевую детерминацию, вследствие чего предмет не может существовать, не превращаясь в то же самое время в свою противоположность и так далее до бесконечности;

— анализ не простого процесса производства самого по себе, а его общественных форм, форм исторических, то есть исторически возникающих преходящих.

Марксизм не только не претендовал на социальную нейтральность, но и отрицал возможность нейтрального, то есть лишенного классовой позиции, познания общества, разделенного на классы. Поэтому при всей научной весомости используемых методов анализа общественного развития марксизм не стал и в принципе не мог стать основным теоретическим подходом в западной социальной науке. Последняя всегда декларировала «объективный», ненормативистский анализ общественных процессов, но формальное понимание объективности требовало «вынесения за скобки» социальной позиции исследователя, что фактически табуировало классовый аспект как таковой. Марксизму, таким образом, была уготована роль антагониста новых социальных теорий, всячески стремившихся сместить его с теоретической сцены путем «опровержения», «развенчания» или, при наиболее трезвом подходе, «преодоления». В этом проявлялась де-юре отсутствующая социальная позиция западной общественной науки.

«Преодоление» марксизма: кейс теории постиндустриального общества

Антагонистическая схема взаимодействия марксизма и западной социальной науки становилась наиболее характерной в периоды ее *кризисов*, обусловленных необходимостью научного объяснения новых социальных явлений и его невозможностью в рамках принятых теоретических моделей. Так, в 1950–1960-е годы западные, а вслед за ними и советские обществоведы осознали актуальность «системного» теоретического осмысления трансформации процессов общественного развития на фоне научно-технической революции. Но за 100 лет до этого К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» отразили, можно сказать, воспели *инновационность* как сущностное свойство капитализма, они же предвосхитили стремительное развитие науки и ее превращение в производительную силу капитала. В свою очередь, известный последователь Маркса Ленин еще в начале XX в. на основе обобщения массы эмпирических фактов сделал вывод: если инновационное движение экономической системы тормозится или прекращается, мы имеем дело с капитализмом, отрицающим себя и переходящим в иное качество, то есть с экономической системой, которая превращается в свою противоположность. Разумеется, такие выводы были неприемлемы для западной социальной науки, поэтому требовалось не только построить альтернативную марксистской структурную модель общества, но и найти объективный «двигатель» общественного развития, не прибегая при этом к марксистской диалектике производительных сил и производственных отношений, к так называемому «экономическому детерминизму».

Эту весьма непростую задачу постарался разрешить Дэниел Белл, разработав концепцию постиндустриального общества, однако с определенными оговорками. В его теоретических построениях явно прослеживается влияние марксизма. На это, в первую очередь, указывает количество обращений автора «Грядущего постиндустриального общества» к Марксу: в именном указателе отмечено 66 страниц, на которых упоминается Маркс (для сравнения, следующий автор по частоте упоминания — М. Вебер — отмечен лишь на 26 страницах). Разумеется, столь частое обращение Белла к Марксу неслучайно, ведь, по мнению американского социолога, «теории общественного развития на Западе... являются... “диалогами” с различными схемами К. Маркса» (Белл 1999: 54). Марксизм в его работе действительно становится «цементирующим» элементом, связывающим воедино разрозненные идеи, факты и тенденции. При обосновании идеи «постиндустриальной» стадии общественного развития Белл отталкивается от анализа упомянутых марксовыми схем общественного развития.

Первая предполагает усиление классовых антагонизмов в процессе концентрации производства и централизации капитала, результатом чего станет революционное разрушение капиталистической «оболочки»; вторая же представляет собой эволюционное преодоление капитализма на основе отделения функции владения собственностью от функции управления.

Белл рассматривает не только особенности марксистского понимания общественных изменений, но и обращается к работам ученых, пытавшихся переосмыслить марксистскую методологию, использовать ее потенциал для объяснения тенденций современного общества — Э. Ледереру, В. Зомбарту, Й. Шумпетеру, Р. Арону. Их сближает с Марксом прежде всего общий объект исследования — капиталистическое общество, представляющее собой *развивающуюся* систему. В этом же заключается и их методологическая оппозиция чисто экономическому подходу *mainstream economics*, сторонники которого придерживаются положения о равновесии, и, таким образом, вступают в неразрешимое методологическое противоречие с идеей развития. Поэтому включение идеи развития в теоретико-экономические построения происходит на основе использования широкого круга понятий, имеющих социально-экономическое содержание (например, классы, институты), а экономические явления рассматриваются как детерминируемые социальным взаимодействием*.

Связь постиндустриальных идей с марксизмом отмечал как сам Д. Белл, называя себя «постмарксистом» (Белл 1999: ХС1), так и современные исследователи постиндустриализма. Например, В.С. Егоров видит общность постиндустриальной и марксистской теории в определяющем влиянии материального производства на общественное развитие, тогда как их отличие заключается в степени социализации и идеологизации технологии и производства, распределения и обмена (Егоров 2002: 249–251). В.Л. Иноземцев указывает на целый ряд черт, объединяющих рассматриваемые теории, в том числе на значительное сходство в изображении того социума, который трактуется как коммунистическая общественная формация или как постиндустриальное общество (Иноземцев 1997: 31–32).

Если связь марксизма с постиндустриализмом не вызывает сомнения, то в чем же новизна последнего? Методологической основой работы Бел-

* Например, Й. Шумпетер писал следующее о причинах кризиса капитализма: «Поскольку капиталистическое предпринимательство в силу собственных достижений имеет тенденцию автоматизировать прогресс, мы делаем вывод, что оно имеет тенденцию делать самое себя излишним — рассыпаться под грузом собственного успеха» (Шумпетер 2007: 322).

ла стала критика марксовой диалектики производительных сил и производственных отношений. Американский постиндустриалист отмечал, что «анализ изменений, которые с течением времени претерпевает способ производства (например, при переходе от рабовладельческого строя к феодализму и от феодализма к капитализму), показывает, что между этими двумя категориями нет ярко выраженной или последовательной связи» (Белл 1999: XXVIII). Белл не понимает, что это заранее обреченная на неудачу попытка непосредственно подвести эмпирические факты под теоретическую модель. Маркс упрекал в этом методологическом недостатке Рикардо, пытавшегося «привести на очную ставку» трудовую стоимость с внешними экономическими формами (цена, доходы и т.д.)^{*}. На основании подобного же недоразумения Белл предложил рассматривать производительные силы и производственные отношения как две логически независимые переменные.

Интерпретация Белла далека от аутентичной позиции Маркса, писавшего: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (Маркс 1959: б). Разумеется, капиталистические отношения (например, в форме простой кооперации) существовали и во времена средневекового феодализма, однако об их господстве стало возможным говорить только после промышленной революции, создавшей материальную базу, *адекватную* им.

Произведя методологическую вивисекцию единого способа производства на два независимых органа, далее Белл утверждал, что «К. Маркс назвал существующий способ производства капиталистическим, но если мы отнесем термин “капиталистический” только к социальным отношениям, а “индустриальный” — к техническим средствам, то сможем понять, каким образом развертываются различные ряды последовательности. В этом смысле возможно существование как социалистических, так и капиталистических постиндустриальных обществ...» (Белл 1999: 154). И вместе с тем он отмечал, что «марксистская концепция способствует пониманию природы капиталистического общества, но... вряд ли пригодна для анализа грядущих постиндустриальных процессов» (Белл 1999: XXVIII). Финал подобных рассуждений вполне очевиден: постиндустри-

^{*} По оценке К. Маркса, метод Рикардо «перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается непосредственным образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом» (Маркс 1962: 177).

альное общество приравнивается к посткапиталистическому, поскольку (экономическая) специфика капиталистических отношений игнорируется.

Позволил ли подход Белла «преодолеть» учение Маркса? Хотя постиндустриальная теория предложила одну из первых системных трактовок современной социально-экономической трансформации, позитивный анализ постиндустриальных процессов оказался весьма противоречивым.

Прежде всего в этих теоретических построениях была разорвана связь материального и нематериального производства; а после того как две стороны целого (общественного производства) представлены как *независимые* объекты, их стало можно расположить и во времени как следующие одно *после* другого. Поскольку в «постиндустриальном обществе» деятельность сферы нематериального производства определяет общественные изменения, а процесс производства и потребления продуктов данной сферы становится ключевым, получил теоретическое оформление тезис о существенном снижении роли материального производства*. При этом игнорируется неизбывная экономическая роль материального производства — создание материально-технической базы для функционирования и воспроизводства как самого себя, так и сферы нематериального производства. В результате возникает парадоксальное представление о «постиндустриальном производстве» как о производстве знаний с помощью знаний без какого-либо существенного участия материальной сферы, которое М. Кастельс удачно охарактеризовал парадоксальным высказыванием Декарта: «Я мыслю, следовательно, произвожу». Разумеется, подобное представление верно, например, для деятельности поэта или философа, однако в корне неверно для общественного производства как такового.

У постиндустриалистов возникает и весьма противоречивое представление о соотношении материального и духовного производства, воспроизводстве материальной стороны жизни человека и его личности в процессе общественного производства. Так, Белл неявно разделяет нематериальное и духовное производство, исключая последнее из сферы экономики: «воплощение и совершенствование собственной личности» представляется как задача исключительно сферы культуры (Белл, 1999: 16). В результате «постиндустриальное общество» становится системой

* Данный тезис воспроизводится и в более современных социальных концепциях в форме утверждений о «смерти производства» (Бодрийяр 2015: 76–87), формировании «виртуальной экономики» (Иванов 1998: 81–90) и др.

«производства ради производства», а поскольку развитие техники и технологии в рамках производства отождествляется с общественным прогрессом, то возникает свойственное большинству технократических концепций неявное утверждение о техническом характере общественных проблем и противоречий. Однако не следует забывать, что в капиталистической системе рост производства опосредован ростом капитала. В свою очередь, когда рост капитала становится основной целью капиталистического производства, тогда цель воспроизводства работника в единстве материальной и духовной сторон его жизни вытесняется на второй план, а порою игнорируется и даже подавляется.

«Если рассматривать буржуазное общество в его целом, — писал К. Маркс, — то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях» (Маркс 1963: 222). Приверженность Белла специфическим представлениям о соотношении индивидуального и общественного, а именно крайнему методологическому холизму, мешает ему увидеть влияние общественного производства на индивида, его первоначальную цель, модификацию системы целей в условиях капитализма. Поэтому воспроизводство общества и воспроизводство индивида рассматриваются как два несвязанных явления: первое осуществляется в «социально-экономической сфере», второе — в «сфере культуры». Соответственно, и отношения между людьми теряют характер экономических. На этой методологической некорректности произрастает и теория «постэкономического общества» В. Иноземцева (Иноземцев 1999).

Даже такое ограниченное рассмотрение постиндустриальной теории показывает, что претензии на теоретико-методологическое «преодоление» Маркса оказались нереализованными. С одной стороны, Белл и его коллеги провели развернутый позитивный анализ актуальных социальных процессов, сделали ряд удачных эмпирических обобщений и на их основе выделили значимые «постиндустриальные» тенденции: ускорение развития нематериального производства, рост общественной значимости научной и технической интеллигенции, внедрение информационных технологий в управление общественными процессами и др. Но, с другой стороны, в теоретических построениях постиндустриалистов связи между такими сторонами общественного производства, как производство и потребление, материальное и духовное производство, взаимодействие человека с природой и взаимодействие между людьми, оказались разорванными. Поэтому постиндустриальную теорию вряд ли можно признать вполне системной, непротиворечивой теорией общественного развития.

Современный кризис социальных наук — триггер актуализации марксистской методологии

Рассмотренный случай обращения к марксизму в рамках разработки теории постиндустриального общества показывает, что причина теоретических неудач заключается не столько в критическом отношении западных теоретиков к учению Маркса, сколько в их стремлении к эклектичному сочетанию марксизма и иных подходов (в данном случае технократизма). Именно попытка теоретического описания технократических идей в политэкономических категориях привела к выхолащиванию содержания последних, в результате чего и не могло быть предложено многоуровневое описание постиндустриальных экономических явлений и тенденций.

К концу XX в. на базе постиндустриальной теории вырос целый кластер «ответвлений»: информационная экономика, информациональное общество, экономика знаний, общество риска, общество доверия и т. д. Вызвано это отчасти отмеченными недостатками теории Белла, отчасти необходимостью дать более детальный анализ, приближенный к реально происходящим процессам постиндустриализации в конкретных секторах экономики и направлениях общественного развития.

Несмотря на то что постиндустриальные идеи используются в науке и в настоящее время, представляется, что их позиции значительно ослабли, особенно в теоретико-методологической плоскости. Причина этого в последовательном отказе ученых от «модифицированной» марксистской методологии, представленной в постиндустриальной теории. Так, в современных социологических работах напрямую не используются ни белловские «осевые принципы» — аспекты развития общества в части производительных сил или производственных отношений, ни схема анализа общественного развития через выделение фаз развития, например доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной. Многие современные исследователи ограничиваются количественным анализом социально-экономических тенденций, избегая «излишних» теоретических обобщений. В результате социальные изменения все чаще рассматриваются как отражение произошедших технологических изменений, а социально-экономические концепции трансформируются в концепции технологического развития. Ярким примером этой тенденции может служить свежая концепция «четвертой промышленной революции» (Индустрия 4.0), обосновывающая революционное влияние цифровых технологий на все сферы общественной жизни (Шваб 2017; Brynjolfsson, McAfee 2014).

Несмотря на рост числа эмпирических исследований в последние десятилетия, социально-экономические перспективы человечества по-прежнему «туманны», так как современные теории, описывающие их, фактически отсутствуют. Препятствует их созданию не только кризис конкретных теоретических проектов (например, рассмотренной нами постиндустриальной теории), но и кризис модернистской исследовательской программы в социальных науках, усилившийся под воздействием постмодернистской критики в 1980–1990-е годы (Руденко 2017: 206–220). Так, в рамках критики «больших нарративов» Ж.-Ф. Лиотаром и в других постмодернистских работах поставлена под вопрос принципиальная возможность создания социально-экономических теорий. Как отмечает Р. Антонио, постмодернизм отказывается от суждений об истине, рассматривая социальную теорию и науку исключительно как нарратив, повествование, отвергая ссылки на внешнюю теоретическому тексту реальность и отказываясь от исследования значимости теорий или того, насколько хорошо они представляют «реальность». Следовательно, и утверждения о том, что теория может раскрыть объективную реальность, в рамках постмодернистской позиции являются лишь искажениями, затемняющими «сконструированную» природу культуры (Антонио 2004: 40).

Одним из достижений социальных наук в XX в. ныне принято считать методологический плюрализм, легитимацию права ученых на поиск истины во всех мыслимых направлениях и на всех уровнях существования изучаемого предмета. Учитывая предельную сложность объекта социальных наук, такое использование различных методологических подходов, их сочетание виделось не просто приемлемым, но и жизненно необходимым для решения большинства исследовательских задач. Казалось, что, следуя по пути методологического плюрализма, можно добиться стремительного прогресса в познании механизмов и закономерностей устройства и изменения общества.

В реальности произошло иное: плюрализм не углубил познание общества, а лишь усилил его фрагментацию, привел к формированию фасеточно воспринимаемой и мозаично воспроизводимой картины социального, где один аспект удачнее описывается с применением одной методологии, второй — с помощью совершенно другой, третий — на основе сочетания двух методологий с добавлением элементов третьих методологических схем и т. д. Далек не всегда полученные фрагменты социального знания согласуются на уровне концептуальных положений, что делает современное социальное познание еще более противоречивым. Соединение фрагментированных представлений и релятивистских установок, развитых в рамках постмодернизма, привело к выдвиганию утверждений о прин-

ципальной непознаваемости законов развития социума, отсутствии этих законов как таковых, «контингентности» (Мейясу 2015) социального, которые если и не парализуют полностью, то существенно замедляют приращение знаний об обществе.

На фоне теоретической стагнации модернистской социальной науки продолжается поиск методологических подходов, способных дать импульс новой волне позитивных исследований. Достижения в этой области в основном связаны с обнаружением закономерностей различной степени универсальности — от узких до междисциплинарных (например, *path dependence*, эффект зависимости от предшествующего развития, свойственный большинству социально-экономических процессов во времени) и претендующих на всеобщность (например, «системный подход»). Проблематика применения данных подходов в исследованиях лежит в континууме «абстрактное — конкретное»: чем более конкретным представляется авторам тот или иной подход, тем уже сфера его применения, при этом попытки «универсализации» не столько увеличивают методологический потенциал подхода, сколько лишают его содержания, превращая в «пустую, безжизненную абстракцию» (Ленин 1969: 97).

Характерно, что современные методологи, как и постиндустриалисты ранее, обращаются к марксизму, стремясь наполнить свои абстрактные схемы конкретным содержанием. Например, сторонница системного подхода Д. Медоуз, размышляя о «ловушках» положительной обратной связи в социальных системах, отмечает: «Существует мнение, что распад Советского Союза опровергает теорию Карла Маркса. Однако его предположение о том, что рыночная конкуренция сама же и приводит к устранению конкуренции, постоянно находит подтверждение... Ловушка “успех к успешному” делает богатых богаче, а бедных беднее» (Медоуз 2018: 142).

В связи с этим хочется вернуться к заданному ранее вопросу: почему марксизм, оставаясь на периферии современной социальной науки, остается актуальным? Достоинство и преимущество метода Маркса перед прочими подходами базируется на том, что он представляет собой в снятом и возвышенном виде все богатство классической общественной науки. Важнейшим принципом последней было стремление познать за видимостью фактов и явлений их скрытую сущность, — эта гносеологическая установка имеет непреходящий характер. Как говорил Маркс, в чем же еще заключается смысл науки, если не в раскрытии сущности явлений? И только познание этой целостной совокупности явлений позволяет увидеть их в развитии, которое всегда представляет собой становление целостности и преодоление разорванности, противоречивости объекта. Только это дает возможность видеть тенденции развития изучаемого

объекта и строить достоверный прогноз его будущего. А в этом, собственно, и состоит практическая функция науки.

Вышесказанное не просто абстрактно-методологическое рассуждение, поскольку имеет прямой выход на понимание экономической практики, а в дальнейшем и на ее правильную организацию. Подход к экономике с позиции принципа развития совсем по-другому ставит проблему экономической практики. Если у всех немарксистов она понимается как примитивное *приспособление*, когда задача, точнее удел, человека «практичного» низводится до поиска максимально комфортной и выгодной ниши в существующей системе, то по Марксу практика революционна: это целенаправленное качественное *преобразование* экономической системы в направлении тенденций ее развития. При таком понимании практика — это не *рутина*, не уходящее в дурную бесконечность автоматическое колебание весов экономических противоположностей вокруг непознаваемой точки равновесия, а революционное *творчество* как постоянная смена форм существования предмета.

Тем более досадно, что методология анализа развивающихся социальных структур, предложенная в рамках марксизма, оказалась на периферии современных социальных наук, чаще всего фигурируя лишь в разделе «история научной разработки проблемы». Основная научная ниша, выделяемая для марксизма сегодня — это исследования культуры, в которых он выступает в качестве аппарата по переводу, перекодированию различных аналитических языков, приведению их к общему знаменателю для объяснения сложных культурных феноменов, причем, по мнению некоторых ученых, этот аппарат — «лучший из всех возможных» (Джеймисон 2014: 17). Но, разумеется, марксистский анализ культуры не рассматривает общественные процессы в социально-экономической плоскости, поэтому его теоретические достижения весьма затруднительно воспринимать в качестве элементов новой социальной (марксистской) теории. Как точно подметил Т. Пикетти, «при чтении текстов Сартра, Альтюссера или Бадью, посвященных их приверженности марксизму или коммунизму, иногда возникает впечатление, что вопрос капитала и неравенства между социальными классами интересует их не очень сильно и скорее служит предлогом для борьбы иного рода» (Пикетти 2016: 590).

В координатах марксистского миропонимания, незаслуженно забытого современной социальной наукой, понятно, что задачей последней является не утилитарная «разработка практических рекомендаций по повышению эффективности функционирования изучаемого объекта» (которое в принципе и невозможно, если учесть специфику методологического инструментария общественных наук), а осознание и практическое,

в том числе политическое, содействие развитию экономики в направлении прогрессивных тенденций современности: смены наемной, отчужденной, рутинной формы труда творческой формой; снятия с творческой *рабочей силы* человека формы «интеллектуального капитала»; перехода от инновационной экономики, ориентированной на максимизацию *прибыли* собственника средств производства к экономике знаний, ориентированной на интеллектуальное развитие и применение всех *способностей* созидающего человека.

Формулируя задачи общественной науки подобным образом, мы сможем преодолеть утилитарную ограниченность мышления и практики, с одной стороны, и трансцендирующий отрыв общественной науки от посюсторонности бытия — с другой. А для этого следует перемещаться в координаты развития общества и человека, актуализируя, а не отбрасывая идейный потенциал классического учения Маркса в XXI в.

Литература

- Антонио Р. (2004) После постмодернизма: реакционная клановость. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 7(4): 32–62.
- Белл Д. (1999) *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia.
- Бодрийяр Ж. (2015) *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет; Изд-во «КДУ».
- Джеймисон Ф. (2014) *Марксизм и интерпретация культуры*. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый.
- Егоров В.С. (2002) *Философия открытого мира*. М.: МОДЭК; МПСИ.
- Иванов Д.В. (1998) Постиндустриализм и виртуализация экономики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1 (1): 81–90
- Иноземцев В.Л. (1997) Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения. *Вопросы философии*, 10: 29–44.
- Иноземцев В.Л. (1999) *Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции*. М.: Academia.
- Ленин В.И. (1969) Философские тетради. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 29. М.: Политиздат.
- Маркс К. (1959) К критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат.
- Маркс К. (1962) Теории прибавочной стоимости. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 26, ч. 2. М.: Политиздат.
- Маркс К. (1963) *Экономические рукописи 1857–1859 годов*. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. М.: Политиздат.
- Медоуз Д. (2018) *Азбука системного мышления*. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Мейясу К. (2015) *После конечности: эссе о необходимости контингентности*. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый.

Пикетти Т. (2016) *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Руденко Н.И. (2017) «Кризис репрезентации» в социальных науках на рубеже 1980–1990-х гг.: критика процесса познания и социальных нарративов. *Эпистемология и философия науки*, 51 (1): 206–220

Шваб К. (2017) *Четвертая промышленная революция*. М.: Изд-во «Э».

Шумпетер Й. (2007) *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. М.: ЭКСМО.

Brynjolfsson E., McAfee A. (2014) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. N.Y.: W.W. Norton & Company.

SOCIAL SCIENCES IN THE 21ST CENTURY AND UNTAPPED POTENTIAL OF KARL MARX'S METHOD

Vladimir Logachev^a, Dmitry Kochergin^b

^a Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

^b Kuzbass Regional Institute of Vocational Education Development, Kemerovo, Russia

Citation: Logachev M., Kochergin D. (2018) Sotsial'nyye nauki v XXI veke i neraskrytyy potentsial metoda Marksa [Social Sciences in the 21st Century and Untapped Potential of Karl Marx's Method]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(5): 44–58 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.5.3>

Abstract. It is considered that the methodological pluralism is one of the most important achievements of social science in the XX century. Formally this approach allows solving many different research tasks in conditions of the complexity of social science object. In fact, the pluralism didn't deepen the cognition of the society but increased its fragmentation. Against the background of modernist social science' crisis design of the new positive methodological approaches is continued. Contemporary methodologists usually use Marxism aspiring to fill their abstract schemes with the concrete content. The dignity of Karl Marx approach consists in that this approach contains all the wealth of classical social science in "abolished" form (Aufhebung according to Hegel). In the coordinates of Marxist world outlook, it is clear that the goal of social science is the cognition and practical assistance to economic development in the direction of tendencies that we call as "post-industrial". With using of this wording of the goal it is possible to overcome the utilitarian limitation of thinking and social practice from one hand, and the transcended gap between social science and objective being from another hand. This actualizes the potential of the classical teaching of Karl Marx in the XXI century.

Keywords: Karl Marx, Marxism, society, social sciences, methodology, theory of post-industrial society, crisis, development.

References

Antonio R. (2004) Posle postmodernizma: reaktionnaya klanovost' [After Postmodernism: Reactionary Tribalism]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 7(4): 32–62 (in Russian).

Baudrillard J. (2015) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: Dobrosbet; Izdatelstvo «KDU» (in Russian).

Bell D. (1999) *Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Academia (in Russian).

Brynjolfsson E., McAfee A. (2014) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York: W. W. Norton & Company.

Egorov V. S. (2002) *Filosofiya otkrytogo mira* [Philosophy of the open world]. Moscow: MODEK, MPSI (in Russian).

Inozemtsev V. L. (1997) Teoriya postindustrial'nogo obshchestva kak metodologicheskaya paradigma rossiyskogo obshchestvavedeniya [Theory of post-industrial society as methodological paradigm of Russian social science]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 10: 29–44 (in Russian).

Inozemtsev V. L. (1999) *Raskolotaya tsivilizatsiya. Nalichestvuyushchiye predposylki i vozmozhnyye posledstviya postekonomicheskoy revolyutsii* [Shattered civilization. The existing prerequisites and possible consequences of post-economic revolution]. Moscow: Academia (in Russian).

Ivanov D. V. (1998) Postindustrializm i virtualizatsiya ekonomiki [Post-industrialism and virtualization of the economy]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 1 (1): 81–90 (in Russian).

Jameson F. (2014) *Marksizm i interpretatsiya kul'tury* [Marxism and interpretation of culture]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy (in Russian).

Lenin V.I. (1969) *Filosofskie tetradi* [Philosophical Notebooks]. Lenin V.I. *Sobraniye sochineniy* [Collected works], vol. 29. Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. (1959) *K kritike politicheskoi ekonomii* [A Contribution to the Critique of Political Economy]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works], 2 ed., vol. 13. Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. (1962) *Teorii pribavochnoi stoimosti* [Theories of surplus value]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works], 2 ed., vol. 26, part 2. Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. (1963) *Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1859 godov* [Fundamentals of Political Economy Criticism]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2 ed., vol. 46, part 2. Moscow: Politizdat (in Russian).

Medous D. (2018) *Azbuka sistemnogo myshleniya* [Hornbook of systemic thinking]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber (in Russian).

Meillassoux Q. (2015) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay On The Necessity Of Contingency]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy (in Russian).

Piketti T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21th century]. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Rudenko N. I. (2017) «Krizis reprezentatsii» v sotsial'nykh naukakh na rubezhe 1980–1990-kh gg.: kritika protsessa poznaniya i sotsial'nykh narrativov [«The crisis

of representation» in the social sciences in the middle of 1980–1990s: critics of the process of cognition and sociological narratives]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 51 (1): 206–220 (in Russian).

Shumpeter J. (2007) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Theory of economical development. Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: EKSMO (in Russian).

Shwab K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [Fourth industrial revolution]. Moscow: Izdatel'stvo "E" (in Russian).